

ЭТИ ТАКИЕ ЖИВЫЕ СТРОКИ... (ВОСПОМИНАНИЯ ФРОНТОВИКА К СОЧИНЕНИЮ «МОЙ ПРАДЕДУШКА – ГЕРОЙ!»)

Мамедов Ф.А.

г. Владивосток, МОБУ «Липовецкая средняя общеобразовательная школа № 1

Октябрьского района», 8 класс

Научный руководитель: Цесарская А.К., г. Владивосток, ведущий специалист, ДВФУ

*О той войне ужасной,
Самой бесконечной той войне,
Где смерть ходила вслед за славой,
Где год за десять был вполне.
О той, Отечественной, страшной,
Где жизнь была ценой в пустяк!
Мужчины погибали наши,
А иногда за просто так...
Потом, конечно, были войны,
Но всех их не сравнить с одной,
Так будем памяти достойны,
Оплаченной такой ценой!*

П. Давыдов.

5 марта 1943 год.

Сегодня в 10 часов утра, я очнулся в военно-полевом госпитале, который бог знает где находился. Долго лежал, вспоминая, что же со мной произошло, почему я перебинтован, кто я...

Постепенно в моем сознании стали всплывать факты из моей прежней, мирной жизни. Я вспомнил, что зовут меня Тимофеем Пеликовым, что недавно, на поле боя, меня произвели в младшие лейтенанты пехоты, что есть у меня жена Анастасия тоже там, далеко, в мирной жизни, на дальнем Востоке, в Приморье, в небольшом поселке Липовцы; всплыли в сознании любимые дочурки, Раиса и Фаина. Но почему я здесь?!

Внезапно, словно по мановению волшебной палочки, моя память стала подсказывать события недавнего прошлого: передо мной с отчетливой жестокостью встали события последних дней. Мне стало все ясно... Глупец! Какой же я глупец!..

Проводя секретную разведывательную операцию с целью захвата немецкого «языка», я чуть было не попал в плен. От этого воспоминания стало не по себе... Я ведь мог все провалить! Но память услужливо, с какой-то извращенной жестокостью продолжала подсказывать мне события последних дней. Помню, как с группой бойцов мы отправились в тыл врага. Дело бывалое, не раз приходилось пролазить почти под самым носом у гитлеровских прихвостней. Я не понимал немецкого языка, но все же некоторые слова и фразы выучил во время вот таких вылазок и хорошо различал их в немецкой речи.

И вот перед нами показался немецкий лагерь. На удивление в нем все было спокойно. Даже следов на свежевыпавшем снегу было немного. Мы видели только часовых, охранявших покой фашистов. Кругом колючая проволока, бочки с горючим. За оградой слышался лай овчарок. По коже пробежал мороз: нас намного меньше, чем фрицев! Задание казалось невыполнимым. Наша группа притаилась в небольшом овраге, расположенном совсем рядом. Я ждал удобного момента, примечая между тем расположение техники, расстановку часовых, количество немецких палаток.

И вдруг от лагеря, к нашему оврагу, двинулся немец. Я уже ясно видел его лицо. Враг был в прекрасном расположении духа, очевидно, после сытного завтрака. До моего слуха донеслось пикиканье губной гармошки и терпкий запах табака. Я начал впадать в ярость: «Сволочь! Топчет нашу землю ногами! Спит и видит, что где-нибудь себе барствовать станет, земли русской в награду за войну получит! Фриц!»

Мои ребята тоже замерли в овраге. Нужно что-то делать! Немец был все ближе. И тут инстинкт самосохранения подсказал мне выход из этой непростой ситуации: необходимо подождать, пока эта гнида подойдет близко к нашему укрытию, втянуть его в овраг таким образом, чтобы не успел закричать, не успел достать оружие. Уложить его надо было на пузо, которое у него, кстати сказать, прямо так и выпирало из-под кителя. Я почувствовал еще большее отвращение к этому «пузырю» в штанах. Но делать нечего – надо было брать!

Мы подождали, пока он еще ближе подойдет к нам и друженько втянули его в овраг, засыпанный рыхлым снегом, немец даже и пикнуть не успел. Все вышло так, как мы хотели: враг повалился лицом в снег, не успев даже и сообразить, что происходит. Мы быстренько разоружили его, кто-то из пацанов не удержался и дал фашисту оплеуху. Тот присмирел. Когда над ним замахнулись еще, он прошептал: «Найн! Не бейт! Не бейт!» Я посмотрел на него и остановил ребят: «Хорош, парни! Из него итак на допросах кишки-то повымотают!» Что ж, за-

дание выполнено: «язык» взят, пора возвращаться. Стали потихоньку выбираться из оврага, да еще и жирную немчуру за собой тащить. Это было нелепо! Тащить эту паскуду на себе, пусть топают на своих двоих! Кто-то опять наградил его кулаком. Немец заворчал, но стал двигаться живее.

Все шло по плану. Но вдруг возле небольшой речушки начался обстрел. То ли нас заметили, то ли еще что-то произошло... Земля смешалась со снегом, то тут, то там черные брызги... Наши ребята быстро потеряли друг друга из виду, я остался с пленным один на один. Немец обезумел от страха: он что-то кричал, размахивал руками и непонятно как, но освободился от веревки, связавшей его руки. Я пытался было скрутить его, но он ударил меня наотмашь и вынул из-за пояса нож. Фашист ринулся на меня с криком: «Швайн!» Я знал, что обозначает это слов и рассвирепел! С новой силой бросился я на гада, но вдруг почувствовал обжигающую боль в левом бедре – немец воткнул в него нож. Снег смешался с кровью. Река была близко. Борьба продолжалась. Мы барахтались возле самой воды. Под пулями и рвущимися снарядами мы боролись за свою жизнь, только у меня были преимущества перед немцем – я боролся за всю страну, боролся за Родину, за детей, за жену, за дом родной. А этот за что?! За пядь земли, которая для него ничего не значит! Сволочь! Такие мысли вспыхивали в моем

сознании раз двадцать, пока мы возились в снегу.

Перед моими глазами внезапно мелькнула вода и обломки льда. Вероятно, река вскрылась от бомбежек. Дело плохо. И тут мы оба скатились в воду. В глазах у меня все замелькало, зарябило. Взрыв – и пустота, я больше ничего не помню. Уши заложило, я выпустил из рук «языка». «Контузило!» – было моей последней мыслью.

Очнулся я в госпитале. Здесь ко мне подошел военный врач. «Здорово, браток! – слышался голос словно издали, – ты в рубашке родился. Выловили тебя из-под льда, из ледяной воды. Ты про «языка» все твердил, а потом и сознание потерял».

Я смутился. «А где же немец?» – спрашиваю. «Доставили твоего «языка», не беспокойся! – улыбаясь, ответил врач, – Выполнил ты задание!» «А где ребята?..» – тут голос мой дрогнул. Врач, казавшийся таким приветливым, вдруг резко осекся и отвернулся. «Ребята где?» – прошептал я. «Все вы герои» – ответил мой собеседник и поспешил побыстрее уйти.

Я лежал, вытянувшись на кровати, ноги были налиты свинцом, а теперь они стали вообще чугунными. К горлу подступил предательский, противный комок, хотелось кричать от гнева, горя и бессилия. Скорее бы опять на фронт, бить врага, отомстить за своих ребят. А впереди была жестокая, беспощадная война, которая не имела конца.